



Содержание

- Вместо пролога . . . **7**
- Куратор в Египетском зале, или Как все начиналось... . . . **9**
- Окурки. Кофе. И семьсот тридцать дней одиночества . . . **31**
- Кракелюр на фарфоровом чайнике и чутком сердце
одинокого влюбленного . . . **59**
- Язык любви. Продвинутый уровень . . . **78**
- Любовная лихорадка со вкусом выдержанного
пекмеза . . . **102**
- Брачные обязательства и нежные кусочки шерсти
к чаю . . . **130**
- Супружеский сговор: домашний катмер, или Свадьбы
не будет! . . . **151**
- Итальянский корнетто vs турецкий пиши: история отношений
длиною в жизнь . . . **196**
- Тайна винтажного чемодана и семейного счастья: подделка
или оригинал? . . . **242**
- Крепкие связи соуса бешамель и запеченного баклажана:
любовная дипломатия на берегу Босфора . . . **264**
- Эликсир молодости: сзади Пасха, спереди
Великий пост . . . **296**
- Список рецептов, использованных в книге . . . **331**



Пристань Ортакей



Вместо пролога

Два года жизни на берегах Босфора... Примерно столько нужно стороннему наблюдателю, чтобы ощутить вкус совершенно новой реальности: она приправлена пряными специями, аромат которых разносят по городу восточные базары; полна сладостного кеифа, обитающего в душах добродушных горожан и передающегося воздушно-капельным путем каждому, кто по воле рока заплутает в лабиринтах пыльного города; она наполнена тонкими вкусами османской кухни, впитавшей в себя столько культур и традиций, что и подумать страшно...

Новые города – как и новые отношения: никогда не знаешь, что скрывается в незнакомом переулке: ценная достопримечательность или невзрачный тупик. Три года я шла по пятам скрытного города, выведывая сокровенные тайны его тысячелетней истории; засиживалась допоздна на закопченных кухнях, выискивая идеальные пропорции питательного напитка бозы и способы уменьшения калорий в сахарной пахлаве.

Меня преследовали тайны, разгадать которые не могли ни всеведущие экскурсоводы, ни неподъемные талмуды по истории. Повсюду, куда бы я ни ступала, приветствовали аккуратно вырезанные вифлеемские звезды на потертых каменных портиках, загадочные латинские аббревиатуры и заставляющие краснеть фаллические символы на стенах старейших византийских храмов...

В узких тупиках людного проспекта Истикляль я слышала шепот на старогреческом языке, пряталась в широких пассажах от подозрительных типов, ищущих пристанище там же от осенних дождей; жадно всматривалась в освещенные гостиные незнакомых квартир с высокими потолками и всегда распахнутыми окнами.

По дороге домой я непременно останавливалась у лотка с фаршированными мидиями. Как же мальчишка в сдвинутой набекрень кепке радовался моему появлению: аппетита мне не занимать! Он раскрывал специальным ножиком ракушку и щедро сбрызгивал ее сводящим скулы соком средиземноморского лимона. При виде ярко-желтого цитруса рот наполнялся слюной, и я в нетерпении предвкушала встречу с нежной мякотью оливкового моллюска. Его нежный вкус кокетливо терялся среди рисовых зерен, кедровых орешков и крошечных ягод птичьего изюма... Стоит покончить с одной порцией, как догадливый мальчуган уже с хрустом вспарывает очередной ларец блаженства и удовольствия. Сытая и обессиленная, я медленно плелась домой, опьяненная долгими скитаниями по капризному городу.

И все было бы хорошо в этом великолепии будоражащих запахов, ярких характеров и проверенных столетиями сплетнях, если бы не одно «но»! Стамбул и его просвещенные обитатели веками скрывали множество тайн, к разгадке одной из которых я подошла в этот раз с полной ответственностью и отвагой. Мне пришлось окунуться в тонкости едва ли не самого пылкого языка на планете, спуститься в подземелье под «кровавым» собором в Балате, отыскать послание Зои Парфирородной, перепробовать с десятков блюд из поваренной книги повара василевса и собственноручно сварить эликсир истинной любви из фиолетового базилика... Все это ради энигмы, которую тщательней всего охраняют коренные стамбульцы.

Как обрести прекраснейшее из чувств, как отыскать истинную любовь и проложить путь к сердцу единственного? Разгадка в тайнах, которые никогда не раскроет Стамбул, но о которых поведаю я в третьей книге о своенравном и неповторимом городе на семи холмах.



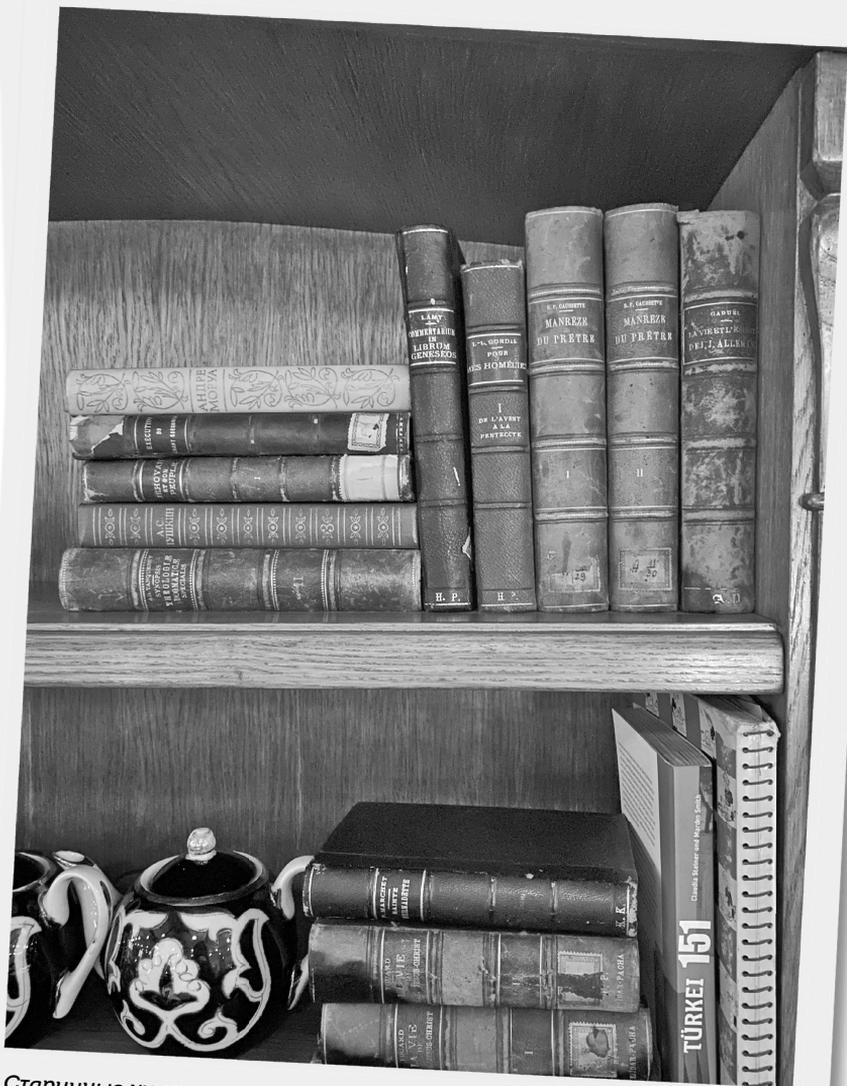
Куратор в Египетском зале, или Как все начиналось...

15 сентября, г. Стамбул

Распродажа имущества новоиспеченной мигрантки. – Тысяча кунжутных зернышек и толстый слой каймака. – Эффект первой брачной ночи спустя десять лет. – Международные браки и ярко-красные свидетельства об их заключении. – Ритуальные бинты на высушенных пальцах мумии. – Завидное постоянство мужчин. – Меркантильный план расчетливых женихов. – Ода кинзе и петрушке голосом Паваротти. – Венецианское просекко и миниатюрные ши-тцу. – Аджуга на завтрак в крохотной студии. – Многомиллионная империя и неисправимый лгун.

– Вы не могли бы написать обо мне в вашей следующей книге? – наивно поинтересовалась читательница из Сочи, переехавшая на ПМЖ в Стамбул. Она была взволнована и чересчур разговорчива, что неудивительно: сорваться в одночасье с насиженного места в университете и оказаться в незнакомой

Куратор в Египетском зале, или Как все начиналось...



Старинные книги на полке в кафе в Бомонти

столице хаоса – под силу немногим. Девушка с опаской поглядывала на лежащего у входа в кафе бездомного пса размером с теленка и украдкой бросала взгляды на прехорошенького баристу, который, нужно признаться, был увлечен тем самым блохастым псом и собственной шевелюрой: он то и дело приглаживал караковые пряди у висков и ловил собственное изображение в до блеска начищенном питчере.

– Я влюбилась, – закусив нижнюю губу, призналась мне Лизонька: за сходство с героинями безнадежно печальной русской классики называть хотелось ее именно так. Обычно мои встречи с вновь прибывшими из стран СНГ туристами заключались в подписывании книг на качающемся столике в ближайшей к дому кофейне и премилой беседе минут на тридцать. Но в тот день все пошло не по сценарию...

– Понимаете, прочитав ваши книги, я полюбила Стамбул так, как не любила никого и ничего в своей жизни. Я перестала спать и ночами представляла себе, как где-то там, на другом конце Черного моря, горят прибрежные огни в рыбацких деревушках... Ведь вы об этом писали... А граф Плещеев? Вы можете меня с ним познакомить? Я вас очень прошу...

Глава за главой, Лизонька в мельчайших деталях описывала героев и эпизоды, многие из которых были чистейшим вымыслом, хоть и очень схожим с реальностью.

– Я продала бабушкину квартиру, папину машину и все-все, что у меня было, чтобы переехать сюда. Потому что знаю, что встречу свою любовь только на берегу Босфора.

– Но откуда у вас такая уверенность? – задавая вопрос, я с ужасом представляла себе масштабы трагедии семьи этой новоиспеченной мигрантки, спустившей все имущество с легкостью бездарного аукциониста.

– Но как же? Ведь у вас в книге написано, что... Сейчас я вам покажу, – и она начала поспешно листать страницы до боли знакомого издания, в котором, я готова была поклясться, не было и намек на экстремистские призывы избавляться от нажитого непосильным трудом и нестись сломя голову в незнакомый город за любовь всей своей жизни.

– А если вы все же не встретите здесь любовь? Или это произойдет не так скоро? – я пыталась мягко прощупать характер рискованной девицы и готовность отказаться от задуман-

ного, но та снова потянулась за книгой, в которой, видимо, был ответ и на этот вопрос.

Мы договорились снова встретиться через какое-то время. И с этого дня все пошло не так. Чувство вины душило меня по ночам и иногда являлось полупрозрачными снами, в которых сотни девушек корили меня в излишней романтизации города и в особенности идеализации его мужского населения. К утру я выглядела так, что даже Дип, не видевший во мне никогда никаких изменений (будь то новые стрижка, платье или отсутствие макияжа), очень грустно вздохнул. Дальше самостоятельно нести это бремя ответственности я была не в состоянии и изложила свои страхи и опасения невозмутимому супругу, который в это время намазывал толстый слой каймака на воздушный симит и поглядывал на баночку с медом, что стояла в метре от него. Я вежливо придвинула ее к счастливому обладателю вкуснейшего из завтраков и стала разливать чай из пузатого чайданлыка¹, который не мешало бы начистить. Моя опухшая от недосыпа физиономия расплывалась в нем на манер кривого зеркала в комнате смеха, однако тогда это отнюдь не веселило.

Дип тщательно пережевывал кунжутные бублики, которые пекла хорошо знакомая нам тейзе² и каждое утро продавала их в красной тележке в двух шагах от дома – напротив итальянского бистро «Isola». Не было ни дня (за исключением воскресенья), чтобы она не заняла свой почетный пост, позволявший богемным жителям обленившегося района Бомонти вести типичный для стамбульцев образ жизни – начинать утро с хрустящего симита и тысячи кунжутных зернышек на нем.

– Ты ничего не романтизировала, дорогая. Я думаю, тебя подставили. Виноваты другие... – наконец заговорил Дип и тут же приступил к огненной аджуке, ложку которой непременно съедает на завтрак каждый уважающий себя стамбулец. Местные женщины верят, что ее состав гарантирует «идеальный уклад» на супружеском ложе. Кто бы мог подумать, что особая пропорция перечной и томатной паст в сочетании с оре-

¹ Чайданлык – специальная конструкция для заваривания традиционного турецкого чая, представляющая собой два небольших чайника, поставленных один на другой.

² Тетушка (*тур.*).

хами и несколькими другими ингредиентами дают ошеломляющий эффект первой брачной ночи даже спустя десятилетия совместной жизни. И так повелось, что в холодильнике каждой добропорядочной домохозяйки не всегда можно отыскать банку свежего йогурта, однако кясе¹ аппетитной аджуки, тщательно затянутой пищевой пленкой, всегда будет стоять на самой почетной полке.

Не имея сил наблюдать за нескончаемым актом тревоугодия собственного мужа, я отодвинула баночку и взглядом потребовала объяснить конспирологическую теорию с недоброжелателями. Дип недовольно поморщился.

– Я хочу сказать, что ты тут ни при чем. Уже задолго до тебя миф о сверхпривлекательности стамбульских мужчин будоражил женщин. Ты видела турецкие сериалы? Это же не кино, а ода мужской красоте и отваге. Вот все и стягиваются в Стамбул, рассчитывая на любовь с первого взгляда с кареглазым красавцем, – на этих словах он эффектно пригладил ладонью бровь, видимо, ощущая себя членом клуба стамбульских ловеласов.

Чмокнув в нахмуренный лоб рассудительного супруга, я поспешила одеваться.

– Теперь понятно, что нужно сделать! – пыталась докричаться я до него из спальни. – Мне нужно узнать все-все-все о стамбульской любви и написать об этом совершенно правдивую книгу. И тогда я смогу спокойно спать, не волнуясь о тех, кто по незнанию бросился на поиски счастья!

С того дня вся моя жизнь была подчинена пикантнейшей из тем, которую я намеревалась изучить во всех тонкостях, пусть даже и слишком интимных. Я стала чаще заглядывать в чужие окна, внимательно наблюдать за парочками на улице и даже прислушиваться к скрипу матраса соседей сверху, потому что все это казалось мне чрезвычайно важным в будоражащем исследовании любви по-стамбульски. Есть ли в ней что-то, ради чего стоит преодолевать тысячи километров по воздуху и воде, дабы оказаться в объятиях мужчины своей мечты? Конечно, смущал гендерный аспект изучаемой темы:

¹ Кясе – чаша, небольшая емкость для сервировки и хранения продуктов питания в Турции.

союз любящих сердец рассматривался исключительно в ситуации, когда жениха представляла турецкая сторона и никак иначе. Решив, что эта особенность вполне укладывалась в определение статистической закономерности, я решила не обращать на нее внимания и продолжила свое романтическое исследование.

Вооружившись любимым блокнотом фирмы Moleskine, я отчаянно ринулась в водоворот интриг, влечений, слабостей и пристрастий, которыми кипели улицы, дома, квартирники под протекающими крышами и роскошные апартаменты в резиденциях с видом на море. Стоило мне оставить детей в школе, как я что есть силы жала на педаль газа своего преданного «Санта Фе» и летела навстречу людям, которые, будто умело расставленные актеры, всегда оказывались в нужном месте и в нужный час. Иногда мне везло настолько, что даже не приходилось никого ни о чем спрашивать, так как местные жители прекрасно читают по глазам. Подслеповатые старушки сами заводят разговоры о милом прошлом, женщины средних лет грустно вздыхают, повествуя о проказниках-мужьях, виновных ни в одной измене и ни в одном предательстве; мужчины, боясь сболтнуть лишнего, сторонятся подобных бесед и все же порой выдают самые сокровенные тайны, которые легли в основу многих сюжетов. Все эти люди, герои моих историй, прошли увлекательный путь, а за ними следовала я – как оказалось, ничего не смыслившая в любви и совершавшая ошибку за ошибкой.

* * *

Тем временем быт, состоявший из ранних подъемов и завтраков, поездок в школу и обратно, нескончаемых пробок на главных дорогах и еще более утомительных заторов в узких мощеных переулках, окончательно поглотил меня и отвлек от занимавших ранее мыслей. Пробегая мимо заведения, в котором впервые встретила девушку Лизу, я ловила себя на мысли, что должна поскорей разобраться в вопросе, в котором, казалось, сама ничего не смыслила. Если бы только истинная любовь была так проста, как мы о ней думаем, разве стали бы ей посвящать трактаты, романы, сонеты и даже раздел философии, изучающий это противоречивое чувство.

Любовь по-стамбульски



Тележка каштанщика в районе Бейоглу

Начавшийся сезон каштанов окутывал мою жизнь густым терпким дымом. Непроглядное марево, поднимавшееся над ярко-алыми прилавками улыбчивых «кестанеджи»¹, возвращало в мысли о детстве – о печеной картошке на костре и жареных тыквенных семечках. Чистка каштанов давалась непросто: обжигая пальцы, я с трудом отделяла лопающуюся кожуру от золотистой мякоти, кое-где опаленной до черноты – обуглившиеся кусочки казались самыми сладкими.

– Бери всегда угольки, – учил меня мудрый каштанщик, когда я, неопытная, несколько лет назад выбирала ровнехонькие сыроватые плоды. – В каштанах, как и в любви: чем больше шероховатостей, потертостей, тем веселее!

И хотя в моей картине мира любовь не входила в число развлекательно-увеселительных категорий, идея торговца каштанами казалась свежей и ободряющей.

Между тем межнациональные отношения, казалось, преследовали меня повсюду: в соседнюю квартиру заселилась молдаванка с женихом из Артвина²; классный руководитель дочери объявил о помолвке с девушкой из Сибири; голубоглазая блондинка с той-пуделем из соседнего дома приехала из Беларуси, чтобы выйти замуж за кареглазого эрзурумца Бору; иностранные коллеги мужа одна за другой влюблялись в местных мачо и создавали чудесные семьи с не менее чудесными малышами. Международные браки здесь были так популярны, будто их скрепляли сразу на небесах, и лишь потом новобрачные нескончаемыми шеренгами тянулись в Evlendirme Dairesi³, где получали ярко-красные свидетельства о браке в цвет турецкого флага.

Дип, как и все остальные в моем окружении, увиливал от любой беседы на эту тему, так как я обсуждала межэтническую экзогамию за завтраками, обедами и даже во время ужина умудрялась вставить пару слов про возрастающий процент смешанных браков, что вызывало неподдельный интерес восьмилетней Амки, которая уже всерьез подумывала о замужестве.

¹ Уличный торговец каштанами (*тур.*).

² Артвин – город в северо-восточной Турции, недалеко от границы с Грузией.

³ Evlendirme Dairesi – ЗАГС в Турции.

– Мне кажется, тебе стоит прекратить копаться в чужом белье. Сколько еще ты будешь разбирать не касающиеся тебя темы? – как-то заметил Дип, готовясь ко сну. Он медленно расправлял балдахин, который служил нам сеткой от комаров, атаковавших еженощно. – Если стамбульцам нравится жениться на иностранках, пусть женятся – это их дело, кого пускать в свой дом, а кого нет.

– Но ты не спешишь впускать в нашу кровать комаров, – заметила я и скрепила края москитной сетки заколкой-крабиком, чтоб те не раздвинулись.

– Комарихи пьют кровь, а женщины – нет. Хотя... – он многозначительно посмотрел на меня, после чего залез под полог и принялся демонстративно похрапывать, чтобы я больше его не беспокоила.

– Но не все же народы охотно женятся на чужестранках. Вот, скажем, древние персы или египтяне вообще никого не принимали в семьи...

– Вот и спроси у древних египтян, – подавляя зевок, посоветовал Дип. – Может, они объяснят, почему бежали от женщин-иностранок... В Стамбул как раз мумию Тутанхамона привезли. С твоими способностями, уверен, ты ее легко разговоришь, – с этими словами он окончательно погрузился в дрему, а я принялась искать в телефоне детали о заезжей выставке из Египта.

Древняя история занимала меня с раннего детства. Свою роль в зарождавшемся чувстве преклонения перед загадочным миром фараонов и их великолепных спутниц сыграл кинематограф, подбрасывавший одну за другой картины о проклятиях гробниц и бесстрашных археологах. Все фильмы непременно заканчивались страстным поцелуем главных героев на фоне белесых, но величественных пирамид. Мне хотелось так же: бродить по лабиринтам древних некрополей, разгадывать тайны, а после утомительных приключений тонуть в объятиях привлекательного археолога под надзором прекрасной богини Бастед. В энциклопедии, которая покрывала мои потребности в познаниях о Древнем мире, богиня изображалась в виде знойной красавицы с головой кошки, что было вполне по-стамбульски. Любовь местных женщин к пушистым четвероногим безгранична и маниакальна. Они носят избалованных четвероногих охотниц на руках, как если бы те

Куратор в Египетском зале, или Как Все начиналось...



Стамбульские кошки

были изысканным аксессуаром. Кошки же, словно священные жрицы, охотно соглашались на роль всеобещающего амулета, защищающего от неудач и приносящего исключительно радость и везение.

Размышляя о кошках в Древнем Египте и современном Стамбуле, я вспомнила об очаровательной Томбили – ее памятник уже который год красуется в азиатском районе города Кадыкей. В глазах скульптора Севалья Шахина кошка должна была пребывать в блаженной позе, радуя глаз проходящего, – такой он ее и изобразил. Подобную леность едва ли могли себе позволить древнеегипетские прародительницы. Хотя кто знает, как бы вела себя женщина-кошка Бастед, окажись она в Стамбуле...

Итак, на следующий день в десять ноль пять я уже блуждала по затемненным залам с древнейшими экспонатами, вокруг которых кружила аура загадочности и пугающей мистики. Ритуальные сосуды и золотые приборы, изысканные украшения и элементы одежды, колесницы, троны, столы и стулья – все, что тысячи лет назад принадлежало молодому фараону, теперь предстало во всем своем великолепии перед чудаковатыми представителями двадцать первого века. Разглядывая маски с изображением Тутанхамона, я виновато признавалась ему в полной несостоятельности человеческого рода: мы до сих пор вели войны, теряли друзей и не находили любовь...

Подойдя к одинокой мумии, печально покоившейся в открытом саркофаге, я принялась увлеченно рассматривать ее черты: как бы кощунственно это ни выглядело со стороны, но мне хотелось распознать в ней нечто, что указывало бы на милый нрав и доброе сердце. Само сердце, судя по информационным табличкам у экспонатов, лежало тут же, в закупоренном алебастровом кувшине под названием «канопа». Если бы фараоны знали, что спустя столетия их бранные тела, лишённые духа, будут выставлять на всеобщее обозрение, отказались ли бы они от помпезных и дорогостоящих церемоний погребения в величественных пирамидах? Не лучше ли им было покоиться в никому не известном невзрачном склепе, где тебя никогда не отыщет претенциозный археолог и не растащит по частям по самым знаменитым музеям мира?

Куратор в Египетском зале, или Как Все начиналось...

Тусклый свет нервно подергивался, и это легкое дребезжание неисправных осветительных приборов придавало еще больше таинственности и без того напряженной атмосфере. Неожиданно мумия подмигнула и странно скривила рот в безуспешной попытке улыбнуться. Я задрожала от увиденного и принялась озираться по сторонам: был ли кто-то еще свидетелем этого чуда?

Женщина средних лет справа сосредоточенно пыталась всковырнуть кусочек сердолика с церемониального блюда, парочка чуть поодаль с восхищением читала историю о любви Эхнатона и Нефертити, а прямо за моей спиной трое несносных мальчишек раскачивали статую самки бегемота. Один из братьев, выкрикивая что-то нечленораздельное, тянул ее за морду вниз, другие же толкали что есть силы сзади, так что каменный постамент ходил ходуном, что ничуть не смущало их мать, которая, облокотившись о витрину с драгоценностями супруги фараона, пользовалась моментом и весело болтала по телефону. Очевидно, заигрывание со мной мумии заметить никто не мог, и я снова принялась изучать таинственный саркофаг, от которого во все стороны разлетались притягательные флюиды. Фараон манил, и я готова была бежать к нему хоть в само царство Анубиса¹, проделав непростой путь на папирусном челноке по нескончаемому Нилу, – чего бы мне это ни стоило!

За спиной слышались спешные шаги: молодая служащая в строгом брючном костюме синего цвета и бейджем на груди невероятно быстро преодолела расстояние от потайной двери в стене до несчастной статуи гиппопотама, схватила болтавшегося на ней мальчишку за руку, других ловко подхватила под мышку и двинулась к выходу, где передала их безответственной матери. Вернувшись, она деловито осмотрела статую, слегка поднажав бедром, придвинула ее ближе к стене и, оправив борта жакета, посмотрела на меня.

– Вы видели, что эти негодяи вытворяли с нашей Таурт²? Еще немного, и она рассыпалась бы на мелкие кусочки. А я от-

¹ Анубис – древнеегипетский бог, связанный с погребальными ритуалами и бальзамированием; проводник в царство мертвых.

² Таурт – в древнеегипетской мифологии богиня, покровительствовавшая беременным и роженицам; изображалась в виде самки гиппопотама с женской грудью и традиционным париком на голове.